

Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев как предтечи геополитики

Формирование геополитики как особого раздела политической науки происходит на рубеже XIX и XX столетий, но основные установки геополитического мышления зародились гораздо раньше. Наибольший вклад в создание новой парадигмы внешнеполитических исследований внесли сторонники идеи географического детерминизма, как европейские, так и отечественные. К числу наиболее авторитетных представителей русской школы географического детерминизма известный политолог Э.А. Поздняков относит В.Р. Ключевского, Л.И. Мечникова, К. Бэра, С.М. Соловьева, характеризуя их как идейных предшественников геополитики как науки¹.

Не умаляя теоретических заслуг названных авторов, хотелось бы отметить, что гораздо больше оснований считаться русскими предтечами геополитического мышления имеется у представителей натуралистической историософии второй половины XIX века Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Философско-политические концепции натуралистов, созданные в рамках историософских моделей, долгое время были лишены внимания исследователей. Подвергая натуралистическую философию политики специальному анализу, можно выделить ее несомненное идейное родство с основоположениями более позднего порождения европейской мысли – геополитики.

Ни Н.Я. Данилевский, ни К.Н. Леонтьев не разделяли позицию географического детерминизма, ставшего важнейшим компонентом геополитики. Однако отечественные мыслители создают своеобразный подход к анализу мира политического, формулируют оригинальные философско-политические идеи, которые были повторены в том или ином виде и Ф. Ратцелем, и Р. Челленом, и другими признанными творцами геополитики, а в XX столетии стали основными установками геополитического мышления.

Традиционно геополитика понимается как особый раздел политической науки, в котором при рассмотрении проблем внешней политики государств акцентируется пространственный, территориальный фактор. По определению Р. Челлена, это доктрина, рассматривающая государство как географический организм, или пространственный феномен². За этим кратким определением кроется целый комплекс идей, составляющих в совокупности парадигму геополитического мышления.

1. По замечанию К.С. Гаджиева, для сторонников геополитики, возникшей на определенном этапе эволюции научной мысли, характерна установка детерминизма, подчинения политических явлений строгим естественно-историческим законам. Понимая географию как фактор политики, они рассматривают государства в их природном окружении. В частности, Ф. Ратцель считал человека и общество частью природы как единого целого, утверждал закономерность влияния природных законов на социально-культурное бытие.

2. Создатели геополитики разделяли органицистские воззрения на государство. Они рассматривали его по аналогии с живым организмом, действующим в соответствии с биологическими законами, являющимся продуктом органической эволюции: «Государство... представляет собой биологическое образование, или живое существо», которому свойственен органический рост, – утверждал Р. Челлен³. Важнейшей задачей государств, как и задачей всего живого, является, по замечанию Э.А. Позднякова, самосохранение⁴; государства конституируются в качестве определенных культурно-исторических общностей и стремятся к расширению жизненного пространства.

3. Представители геополитики делают акцент на пространственном измерении мира политики, географическом начале во внешнеполитических отношениях. По определению Э.А. Позднякова, политика подвергается географической интерпретации, анализируется в пространственном отношении⁵. Политическое пространство понимается как разнородное, отрицаются центристские, в частности, евроцентристские воззрения. Приставка «гео» говорит не только о внимании к географическому фактору, но и о масштабах, параметрах изучения международных отношений, которое требует рассмотрения всего мирового сообщества как целостности.

4. Важным считается не только пространственное, но и временное измерение мира политического. Пространство и время составляют единство не только с точки зрения физики; имеет смысл говорить о пространственно-временном континууме в политике, необходимом как методологическая установка при анализе политических процессов. Тем более, что скорость их протекания все увеличивается, «настоящее сжимается», по выражению современных геополитиков, и, следовательно, временной фактор делается все более значимым.

5. Для носителей геополитического мышления характерен реализм, подразумевающий отрицание каких-либо иллюзорных, вымышленных ориентиров. В политике нет места дружественности, солидарности, самопожертвованию, бескорыстной взаимопомощи. Политическое сотрудничество – это результат определенного сочетания скалькулированного баланса сил и географических факторов. Геополитическое мышление строится на принципе утилитарности; только он позволяет определять стратегические национальные интересы.

Положения, сформулированные выше, не дают исчерпывающего определения геополитической парадигме, возникшей на рубеже XIX – XX веков, но являются наиболее существенными ее компонентами. Анализ натуралистической философии политики, сформировавшейся в России в 70 – 80-е годы XIX столетия, показывает, что в работах Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева разрабатывался исследовательский подход, в рамках которого мир политического изучался с использованием сходных методологических установок, близких по своему содержанию геополитическому мышлению.

Во-первых, будучи ориентированными естествознанием на поиск причинно-следственных зависимостей в истории общества, и Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев утверждают действие в ней общезначимых закономерностей. Следовательно, они являются сторонниками жесткого детерминизма. Для них поиск всеобщих законов, которым подчиняется социокультурное бытие и, в частности, политика, становится одной из важнейших познавательных задач. Как отмечает К. Поппер, исторический натурализм предполагает изменения общества по предопределенному и неизменному пути, стадии которого предначертаны непреложной необходимостью⁶.

Установка детерминизма имеет под собой серьезный онтологический фундамент. Согласно воззрениям натуралистов, мир есть единое целое, то есть, по выражению Н.Н. Страхова, единомышленника Н.Я. Данилевского, «он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум»⁷. Для натуралистов природа выступает как единый, универсальный принцип объяснения всего сущего. При этом природа понимается предельно широко – как объективно существующая реальность.

Натуралисты пытаются понять социально-историческую действительность и мир политики как ее составную часть исходя из принципов существования физического и биологического миров, не усматривая между ними качественных различий, считая их частями одного целого – природы.

Понимание мира как единого, целостного организма, невозможность выделения качественно своеобразных сфер приводит Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева к отождествлению процессов, протекающих в природной и социальной среде. Социально-культурное бытие, являясь частью природного бытия, имеет те же сущностные характеристики, подчиняется тем же самым универсальным законам. К примеру, Н.Я. Данилевский пишет: «Общественные явления не подлежат никаким особому рода силам, следовательно, и не управляются никакими особыми законами...»⁸. Отрицание философом качественного своеобразия культурно-исторической действительности является продуктом аналогии природных и социокультурных процессов.

К.Н. Леонтьев считает, что в природе существует универсальная космическая закономерность, которой подчинены и явления неживой природы, и биологические существа, и целые культурные миры. Согласно его триединому закону, общий ход жизни любого явления подчиняется определенной схеме: «Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением»⁹.

И законы жизни культурных типов Н.Я. Данилевского, и триединый закон К.Н. Леонтьева имеют абсолютный характер. В истории, политике господствуют необходимости, которые человек не в силах преодолеть, как невозможно изменить принципы устройства природного мира. Натуралистическая философия политики, являясь частью философско-исторических концепций, представляет собой один из наиболее жестких вариантов детерминизма.

Во-вторых, центральным пунктом историософского и философско-политического учения натуралистов является органицистская теория общества. Суть так называемой органицистской, или органической, теории составляет аналогия общества и живого организма, перенесение принципов биологической жизни в сферу социума, утверждение, что государства, цивилизации, культурные миры, подобно всему живому, имеют свои фазисы развития – созревание, цветение, плодоношение, увядание.

Аналогия природного и социального, проведенная Н.Я. Данилевским, диктует следующую формулировку: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу»¹⁰.

Н.Я. Данилевский проецирует в плоскость философско-исторических и философско-политических рассуждений так называемый морфологический принцип, выработанный в биологии. Органицизм создает полициклическую схему исторического процесса: «Всему живущему, как отдельному неделимому, так и целым видам, родам, отрядам животных или растений, дается известная только сумма жизни, с истощением которой они должны умереть... История говорит то же самое о народах: и они нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают...»¹¹.

Беспристрастный, по определению В.В. Зеньковского, взгляд К.Н. Леонтьева на историю также определяет рассмотрение культурно-исторических общностей по аналогии с живыми организмами: «...Всякое общество и всякое государство, всякая нация и всякая культура – суть своего рода организмы»¹²; человеческое общество «должно быть организацией сложной и округленной наподобие организованных тел природы»¹³.

Отдельные цивилизации, которые, подобно организмам, имеют свои фазисы развития – первичную простоту, цветущую сложность, вторичное упрощение – по мнению К.Н. Леонтьева, неизбежно погибают: «...наибольшая долговечность государственных организмов – это 1000 или много 1200 с небольшим лет»¹⁴. «Более 1200 лет ни одна государственная система, как видно из истории, не жила; многие государства прожили гораздо меньше», – замечает философ¹⁵.

Для натуралистов высшей ценностью является существование жизнеспособной культурно-исторической общности. История – это арена непрекращающейся борьбы за существование между культурными типами, ограниченными во времени и пространстве; цивилизации по природе своей должны соперничать друг с другом. Внутренняя и внешняя политика социальных организмов естественным образом ориентируется на обеспечение захвата максимального жизненного пространства, на развитие собственных жизненных сил. Этот тезис натуралистов полностью соответствует идеям геополитиков.

Н.Я. Данилевский считает искусственными общепринятые ориентиры «свободы», «цивилизованности», «общечеловеческого блага». Им нельзя приносить в жертву величайшую ценность – историческую жизнь, стремящуюся к разнообразию своих проявлений путем развития самобытных цивилизаций. Любой народ обязан стремиться к выходу из состояния «этнографического материала», к построению самобытного культурного типа, его сохранению и наибольшему развитию.

По мнению К.Н. Леонтьева, задача каждого народа состоит в развитии своей самобытной культуры: «Тот народ служит и всемирной цивилизации, который и свое национальное доводит до высших пределов развития, ибо одними и теми же идеями человечество постоянно жить не

может»¹⁶. Стержнем истории, ее основной линией является переход от безликого состояния «всечеловечества» к оформленной индивидуальности культурной общности. Внешнеполитические усилия государства должны быть направлены на развитие собственных уникальных культурно-исторических начал. Стратегический курс государственных организаций, продиктованный фундаментальными закономерностями социально-исторической жизни, должен вести к созданию самостоятельной, обособленной исторической общности и как можно более долгому ее сохранению в стадии «цветущей сложности».

В-третьих, натуралистам нужно отдать приоритет и в заслуге создания пространственного измерения мира политического. Господствовавшие в сознании европейского человека прогрессивистские философско-политические модели, являющиеся секуляризованным вариантом христианской эсхатологии, были «центричными»: мир рассматривался как арена становления единой цивилизации¹⁷. Качественные различия обособленных цивилизаций, локальных культурных общностей, специфика социокультурного пространства не учитывались. Пространство считалось однородным и поэтому не могло рассматриваться как значимый фактор, определяющий характер социально-политического бытия.

И Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев отрицают философско-политический универсализм господствовавшей прогрессивистской мысли. От построения схемы единой мировой истории они переходят к модели культурного круговорота, рассматривая в качестве субъектов истории локализованные в пространстве и времени цивилизации. Критикуя моноцентризм философско-политического мышления, натуралисты говорят о принципиальной полицентричности мира, о существовании разнородного социокультурного пространства, в котором есть качественно различные области. Тем самым исторические общности как субъекты политики размещаются в разных точках политического пространства.

Признание полицентричного мира истории меняет установки философско-политического мышления. Важнейший политический аспект этих историософских воззрений состоит в том, что свое абсолютное значение теряют всеобщие, всечеловеческие ценности и идеалы, универсальные принципы межгосударственных отношений. Сомнительными и ограниченными кажутся натуралистам общезначимые нормы политической деятельности, тем более, что они по сути своей являются не общечеловеческими, а европейскими. Натуралисты считают необоснованными универсалистские претензии германо-романской цивилизации.

Разрушение историософского и, как следствие, философско-политического евроцентризма – одна из важнейших заслуг натуралистов. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев отдают приоритет особенностям самобытных культурных миров, говоря, что у каждого из них своя судьба,

своя история, свои идеалы и ценности, которыми они должны руководствоваться в политической деятельности. Не случайно «европеизация» – взгляд России на мир «сквозь европейские очки», через призму западных идеалов, Данилевский называет болезнью¹⁸.

Нормой политической жизни признаются глобальные столкновения цивилизаций, поскольку коренные интересы культурно-исторических типов часто диаметрально противоположны; непримиримая борьба за жизненное пространство не позволяет соперничающим государственным организациям признать в качестве абсолютных какие-либо внешнеполитические нормы. Человечество как целое – это фикция; в политической сфере это означает отсутствие общезначимых установлений, что подтверждается многочисленными примерами борьбы цивилизаций между собой.

В концепциях натуралистов каждый культурно-исторический тип, каждая цивилизация представляет собой некую ограниченную географическими и временными рамками обособленную общность, находящуюся в состоянии конфронтации с соседними общностями, которые вполне можно назвать современным геополитическим термином «регион». Открывая качественное своеобразие и территориальную разноместность цивилизаций – масштабных субъектов политической жизни – натурализм делает предметом политического анализа интересы сопредельных культурных общностей, в частности Европы и России, конфликт которых обусловлен естественными, природными закономерностями и усилен их территориальной близостью.

В-четвертых, натуралистическая философия рассматривает политические явления и процессы во временном измерении. Историческое время становится значимым фактором в изучении натуралистами политической жизни. Это происходит в процессе историзации философско-политического мышления. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев последовательно реализуют в мышлении принцип историзма.

Именно натуралисты, а не христианские мыслители и не сторонники светских прогрессивистских концепций, по-настоящему обращаются к изучению исторической эмпирики¹⁹. Реконструкцию исторического прошлого они считают необходимой в качестве способа ретроспективного изучения настоящего, заменяя им объяснение через историческую перспективу. Умение привлечь эмпирические данные для установления высших целей и смысла исторического движения позволило натуралистам действительно востребовать исторический материал, мобилизуя его как емкий познавательный ресурс.

Философ, рассматривая политическую проблематику, сталкивается с целым рядом сложнейших вопросов: как выстраивать стратегию и тактику политического поведения, как формулировать политические принципы, на каком основании делать политические прогнозы? По мнению

натуралистов, эти проблемы можно решить только через использование исторического опыта. Эмпирия прошлого, обработанная исследователем, позволяет определить масштабные надысторические, предельные цели и смыслы, в соответствии с которыми можно четко обозначить ориентиры политической деятельности.

Интересное наблюдение принадлежит К. Попперу: «Многие последователи историцизма надеются с помощью историцистских методов сделать социальные науки мощным инструментом политики»²⁰. И не случайно историософские концепции Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева имели для современников прежде всего политическое звучание; решение политических проблем стало для историософии натурализма практической задачей, и наоборот, проблемы практической политики стали серьезно обсуждаться в России именно историософами-натуралистами.

Имеются все основания к тому, чтобы считать отечественных натуралистов одними из основоположников взгляда, который утвердился позднее и может быть выражен формулировкой Э. Фримена: «История – это политика в прошлом, политика – это история в настоящем»²¹. Благодаря настоящей историзации мышления, путем обращения к исторической ретроспективе натуралистическая философия истории при обсуждении политической тематики делает значимым временной фактор, открывает важность «политического времени» как способа фиксации событий, интересующих исследователя.

В-пятых, натуралистическая философия политики представляет собой яркий пример утилитаристского подхода к решению философско-политических проблем. «Приземляя» философско-политическую мысль, натурализм совмещает ее с прагматической политикой, направляет не на определение всеобщих императивов и абсолютных ценностей, а на поиск решений конкретных проблем. Исключительно теоретические философские дискуссии западников и ранних славянофилов замещаются у неославянофила Н.Я. Данилевского и его единомышленника-натуралиста К.Н. Леонтьева политически ориентированной полемикой с либералами по актуальным вопросам современной им общественной жизни.

Натуралисты-прагматики, используя своеобразный методологический подход к анализу общественной жизни, считают наибольшей ценностью жизнеспособность обособленной культурно-исторической общности. Внутренняя и внешняя политика социальных организмов должна обеспечивать максимальное развитие жизненных сил, захват исторического пространства. В политике господствует принцип утилитарности, в данном случае – натуралистически понимаемой пользы государственного организма; в этом Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев полностью солидарны с создателями геополитики.

Христианское «да – да, нет – нет» в политике весьма неэффективно. Историческая модель, предполагающая сосуществование конфликтующих цивилизаций, ориентирует философов-натуралистов на поиск компромиссов. Абсолютизация принципов несовместима с политическим расчетом, достижением выгоды; она не позволяет объективно оценивать ситуацию. Натурализм одинаково приемлет и политическое равновесие, и вооруженный конфликт, лишь бы они отвечали интересам растущего и развивающегося культурно-исторического типа.

Существенной характеристикой утилитаристской философии политики является аморализм. Принципы политики и принципы морали не совпадают, не соотносятся, утверждает Н.Я. Данилевский: «... бентамовский принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы – вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования»²². Жестко разделяет политику и мораль К.Н. Леонтьев: «Мораль имеет свою сферу и свои пределы; политика – свою»²³. И это не просто описание реалий политической жизни своего времени; натуралисты придают этим утверждениям статус аксиомы. Они считают должным бессилие нравственных установлений там, где действуют жестокие природные закономерности – «око за око, зуб за зуб». Культурно-исторические общности не обладают, как личности, возможностью самопожертвования; понимание их исторического существования в качестве высшей ценности не позволяет реализовывать во взаимоотношениях цивилизаций и государств нравственные принципы. Тем самым рельефно подчеркивается специфический характер мира политики.

Политико-правовые установления «вписаны» натуралистами в «естественно-исторический» процесс как важнейшая сфера бытия государственных организмов и как один из наиболее значимых факторов культурно-исторического развития. Поскольку важнейшей характеристикой исторических общностей считается их жизнеспособность, полезным признается то, что способствует процветанию и продлению исторической жизни.

Политическая трезвость Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, понимание политики как расчета и способа отстаивания своей выгоды, ситуативный, а не императивный подход к определению политической стратегии и тактики превратили исторические концепции натуралистов в сильный аргумент в политической и идеологической борьбе.

Сравнительный анализ основных положений геополитической парадигмы, возникшей на рубеже XIX – XX столетий, и теоретических установок натуралистической философии политики, сформировавшейся в России во второй половине XIX века, показывает, что Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев в своих работах предвосхитили важнейшие идеи геополитики. В рамках натуралистической историософии ими были созданы философско-политические учения, которые, наряду с концепцией географиче-

ческого детерминизма, могут рассматриваться в качестве идейного источника геополитики – особой дисциплины, которая исследует связи между пространственными и функционально-политическими характеристиками тех или иных регионов мира. Рассматривая политический аспект исторического существования отдельных цивилизаций, историософский натурализм создает общетеоретические предпосылки появления геополитического мышления, прежде всего тем, что утверждает в философско-политических моделях принцип детерминизма политического пространства.

Примечания

- ¹ См.: Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: Теория и практика: Сб. ст. / Ин-т мировой экономики; Под. ред. Э.А. Позднякова. М., 1993. С. 17.
- ² См.: Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 6.
- ³ Цит по: Поздняков Э.А. Указ. соч. С. 23.
- ⁴ Там же. С. 10.
- ⁵ Там же. С. 45.
- ⁶ См.: Поппер К. Ниццета историцизма. М., 1993. С. 61.
- ⁷ Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892. С. VII.
- ⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева] М., 1991. С. 437.
- ⁹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философия и политика. Публицистика. Духовная проза (1872 – 1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М., 1996. С. 127.
- ¹⁰ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 92.
- ¹¹ Там же. С. 74.
- ¹² Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 543.
- ¹³ Там же. С. 406.
- ¹⁴ Там же. С. 134.
- ¹⁵ Там же. С. 97.
- ¹⁶ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М., 1992. С. 383 – 384.
- ¹⁷ См.: Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М, 2000. С. 20.
- ¹⁸ См.: Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 263.
- ¹⁹ См.: Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 309; Леонтьев К.Н. Восток, Россия. С. 377.
- ²⁰ Поппер К. Указ. соч. С. 168.
- ²¹ Цит. по.: Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 1997. С. 39.
- ²² Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 34.
- ²³ Леонтьев К.Н. Восток, Россия. С. 438.